

ЕЛЕНА ЧЕТВЕРТУШКИНА

Яйцо в вентиляторе

ЖИЛИ-БЫЛИ МЫ

Елена Четвертушкина

Яйцо в вентиляторе

«Издательские решения»

Четвертушкина Е. Б.

Яйцо в вентиляторе / Е. Б. Четвертушкина — «Издательские решения»,

Мир человеческого одиночества бесконечен, и в нём легко пропасть.
Но помощь приходит, неожиданная и странная, вокруг тебя начинают происходить чудеса, и неважно, где это происходит — в фантастическом мире или в мире реальности...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Яйцо в вентиляторе
Жили-были мы
Елена Борисовна Четвертушкина

© Елена Борисовна Четвертушкина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*Загадайте двузначное число от 40 до 80. Умножьте на 3.
Отнимите 8. Прибавьте 17, разделите на 5 и закройте глаза.
...Темно, правда?*

Анекдот

Сказала бы кому из своих (а это много больше, чем половина Города), что Дуг впал в сварливость, – решили бы, что бабушку поразило синильное слабоумие. Кое-кто, возможно, и добавил вполголоса: «наконец-то!» – но это уже, скорее всего, моя вульгарная старческая паранойя.

Старина Дуг – Дуг, старина! – был в Городе личностью легендарной. Одно название его кабака чего стоило – «У Повешенного». И не поленился ведь соорудить вполне себе внятное чучелко из ветоши... А потом лихие посетители, быстро переходящие в завсегдатаев (может, геологи, а может – спасатели), усовершенствовали «вывеску», накинув на чучелко старый мундир ландскнехта, да ещё сунули в руки муляж мороженого. Смысл в вывеске заключался психологический: Дуг и сам когда-то был ландскнехтом-наёмником, и вполне мог разделить судьбу чучелки, кабы не его местные корни. Вспомнил он о них очень вовремя – когда валялся в нашем госпитале с тяжелым ранением, сразу после Войны. Тогда как раз президент Страны издал указ, что все этнические местные, буде таковые обнаружатся среди пленных, имеют полное право об этом заявить, покаяться в прежних заблуждениях и остаться **у себя дома**, а кто старое помянет, тому глаз вон. Дуг (как и некоторые другие) признал предложение разумным, и не преминул воспользоваться. Принадлежность к титульной нации выявлялась к тому моменту простым анализом крови: было там нечто заковыристое, только аборигенам присущее. Не претендуя на знание микробиологии, могу сказать одно: коренным населением брезговала здешняя мошка с комарами, и они не болели местной же жуткой лихорадкой.

Было это 4 десятка лет назад.

Искалеченная нога не позволила Дугу продолжить военную карьеру; вновь обретенная родина, не меньше Дуга искалеченная войной, ничего, кроме небольших подъёмных, предложить не могла, а как-то жить надо было. Любая профессия, связанная с физическими нагрузками, ему не улыбалась, и Дуг, поосмотревшись, открыл кабак, первый в Городе. Нет, трактиров у нас было достаточно, но в них в основном кормили, а Дуг готовить не умел, не любил, и женой обзавестись не счел необходимым; зато цену вовремя опрокинутому стаканчику знал преотлично, так что «Повешенный» очень быстро стал весьма забористым быстро, вынужденным, всё же, соблюдать общие для наших мест правила. В Стране то землетрясение, то снежные бураны, то наводнения, то конец света; Город же, занявший лукоморье – склоны нескольких сопок на берегу океана, за которыми сразу же начинаются самые высокие в мире Горы, – получал непогодой по морде вдвойне, то с гор, то с моря, и поэтому во всех домах, включая административные и увеселительные заведения, обязательно держали запас свечей, канатов, лееров, лопат, лавинных зондов, сухого пайка и питьевой воды на пару недель; а уж трактиры и вовсе оснащались противотуманными ревунами, полной выкладкой походной аптеки и проблесковыми маячками. У нас тут даже полиция в основном занимается... э-э-э... защитой заезжего неопытного обывателя от самого себя, так скажем, – потому что, по причине недавнего возникновения собственной государственности, мы собственным неопытным обывателем обзавестись не успели.

Как и преступным миром, а также матерными ругательствами в языке, за что более просвещенные страны готовы смешать нас с грязью – за отсталость. До чего ж они нам добра хотят, ну просто-таки себя не щадя.

В нашей Стране вообще размытые границы между обывателем и не обывателем, спасателем и не спасателем, городом и деревней...

Но я о Дуге.

Он быстро приобрел славу человека душевного, мудрого и своего в доску. В смысле преданности своим. В смысле, что держал под стойкой старый ручной пулемет в рабочем состоянии – на случай, если дорогие гости уж очень разойдутся. Тогда он, питая имманентную ненависть к ссорам, удобно упирал калечную ногу в скамейку за стойкой, выволакивал РПД, и, если сам маневр оставался незамеченным, молча давал очередь по стенке, над головами посетителей. Пулемет был заслуженным ветераном, а патронный короб Дуг украсил крупной надписью «ЗЛО». Страшное слово расшифровывалось вполне мирно – «Здесь Люди Отдыхают!!!», а стрельба означала, что хозяин просил кланяться и напомнить об этом обстоятельстве.

У «Повешенного» быстро начала собираться элита – профессура из Университета, тарки из Министерства Внутренних дел, отечественные умницы-журналисты, зубры из Центра Кризисных ситуаций и контрразведки, светила отечественной науки, атланты из спасателей, прометеи от пожарки, корифеи Геологического управления и Департамента по землепользованию; талантливые студиозусы, продвинутые простецы, и так далее, и тому подобное. Все они приходили к «Повешенному», как в дом родной – выпить, поговорить, на людей посмотреть и себя показать. Белёные стены заведения были украшены шаржами-экспромтами, блиц-зарисовками, афоризмами, отзывами и пожеланиями местных знаменитостей. И автографами, например нашего отечественного художника с мировым именем: толстым углем, выхваченным из очага, и пару раз переброшенным – чтоб остыл, – с руки на руку, одной уверенной линией он изобразил горы, изящно переходящие в яков, изящно переходящих в его подпись, известную всему просвещенному миру... Дуг клиентуру свою уважал, и трепетно оберегал от ненужных тревог и недоперепития; он самозабвенно слушал вечные споры о высоких материях, хотя сам эрудицией не блистал, и категорически отказывался видеть разницу между аллергией и аллегорией.

Мы с ним знали друг-друга с той самой войны (хоть и воевали сначала по разные стороны Перевала), и столько раз успели уже породниться через друзей, детей и внуков, и столько незаменимо-близких людей проводили, держа друг-друга в руках, в последний путь!.. Мы были родней если не по крови, то уж точно по подвигам, правнукам и городскому кладбищу.

...Теперь, в силу возраста, Дуг редко стоял за стойкой сам, разве что днем, когда народу никого.

Тем более резкое настроение его было мне совершенно непонятно. Может, из-за осенней болтанки барометра нога разболелась?.. Может, опять выяснилось, что пора платить налог, а денег нет?.. Дуг вечно поил в долг кого ни попадя, и всегда стеснялся напоминать о задолженности; клиенты же его, в силу действительной своей неподдельной гениальности, страшно далеки всегда оказывались от народа, то есть от Дуга, то есть – от оплаты счетов. А Дуг... Некоторые, говорят, рождаются с венцом безбрачия; так вот Дуг родился с венцом банкрота, и пока дела «Повешенного» не взял в свои руки молодой партнер Джеф, перед Дугом регулярно маячила долговая яма. По осени, как гуси-лебеди потянутся на юга, отмахиваясь мощными крылами от декларации о налогах, особо близким друзьям частенько случалось спасать самый элитный кабац Город от финансовой катастрофы. Деньги эти Дуг считал святыми, и потом, собравшись с силами, всегда аккуратно возвращал.

В тот день я приехала в Город, как обычно теперь по пятницам, обналичить пенсионный чек и затариться на неделю.

Почему-то считается, что старикам мало надо, – не знаю, как-то по мне не заметно. То ли я плохо прицеливаюсь по статусу старухи, то ли общественное мнение за мной не поспевает... В хозяйстве всегда требовалась пропасть разных вещей, несмотря на почти натуральное хозяйство. Летом я набирала спирту, сахару и соли на заготовки (практически все заокеанские специи мне задаром не нужны: гвоздику прекрасно заменяет гвоздичный базилик, который растёт щёткой в огороде, вместо перца я использую семя горчицы, а вместо лаврушки – можжевельниковые почки). Осенью, как вот сейчас, закупались на зиму ящиками – небольшими партиями, спина уже не та, годы! – тушенка, крупа, свечи, кофе, батарейки и спички. Зимой обычно наступала пора книг, музыкальных дисков, мануфактуры, лекарств, шерсти для вязания, бумаги, фломастеров и карандашей, а также цукатов из имбиря, из которых я делала вид, что делаю настойки на спирту от кашля, – а на самом деле сжирала все до крошки, по мере покупания.

Таким образом к середине недели деньги из кошелька исчезали, как куры из курятника, в который забрался хорек. На курятник... тьфу, на финансы! – ещё давили реставрационные работы над постаревшим вместе со мной Кузей. Это мой внедорожник цвета хаки, – то есть кузнечик, то есть Кузя: зимой и весной нам с ним приходилось выкладываться по грунтовкам до кровавого пота.

Хотя, конечно, деньги были всё же далеко не самой большой моей проблемой.

...То есть жизнь текла и текла себе помаленечку, и поэтому вовсе было непонятно, с чего вдруг Дуг запустил мне по стойке стакан с медовухой, как не оправдавший надежд лотерейный билет, и отвернулся. Демонстративно.

Привыкнув за 40 лет к определенному порядку, любое отклонение от него воспринималось, как демонстративное.

– Из налоговой приходили? – спросила я, поймав стакан на лету (нет, всё-таки есть ещё порох в пороховницах, хоть по стакану пока не промахиваюсь).

– Два сканика, – строго сказал Дуг, не поворачивая головы, как будто я сама не знала, сколько у него что стоит, и громко защелкал кассой. Касса была наша с ним ровесница, нрав имела вздорный и резкого обращения не терпела: она немедленно закудаhtала, как припадочная, и отключилась. Дуг посмотрел на неё сердито, ничего нового не увидел, плюнул и зачем-то потащил из-под стойки потрепанную тетрадку. Стоял белый, хоть и ненастный и сумрачный по осени день, и народу в «Повешенном», соответственно, не было практически никого. Так, сидел у окошка немолодой мужик какой-то, по виду из научников, – флектарн осенний, без понтов, к столику палочка-инвалидка прислонена, смотрит вдумчиво в стаканчик. А если разобраться, чего там смотреть: у Дуга кофе с мёдом, чай с мёдом, медовуха крепкая – три сканика, да медовуха слабая – два сканика, вот и весь ассортимент. Ну, ещё пиво для избранных, а коньяк – если только кто сам принесет. К Дугу не за тем ходят... Вообще это было теперь мое любимое время «У Повешенного»: тихо, никто не гомонит, очаг потрескивает добродушно, и тянет от него едва ощутимо сосновой скипидарной смолой, хвойным дымком, горьким лесным мёдом.

– Хочешь новый анекдот про тебя? Недавно на рынке осчастливили.

Дуг ничем не выказал интереса, но я все же доложила:

– В баре «У Повешенного» к стойке подходит турист-гринго. Говорит Дугу:

– Бармен, налей.

– Чего?

– Коньяку.

– Какого?

– Вон того, шестизвездочного.

Бармен наливает. Турист пьет и сваливается замертво. Дуг берет карандаш, и рисует ещё одну звездочку на бутылке... Эй, кончай ваньку валять! Какая муха тебя укусила? – нетерпеливо поинтересовалась я у Дуговой спины.

В моем возрасте друзьями не разбрасываются, и Дуг был одним из очень-очень немногих, кто ещё оставался – а он в ответ только дернул плечом, всё ещё монументальным. Когда я, в стародавние времена, открыла трактир «В четверг налево» (по ошибочному мнению Дуга, исключительно для конкуренции с «Повешенным», а на самом деле – чтобы освободить себя и мужа от необходимости кормить каждодневных гостей, тучами осаждавших наш дом на Собачьем хуторе), и несколько лет с удовольствием там хозяйствовала, – даже тогда он мне такого афронта не выказывал. Я постаралась припомнить, не пикировались ли мы с ним, часом, как-то особенно остро на прошлой неделе, – да нет, не было ничего такого! – и спросила уже с некоторой опаской:

– Что, опять вчера о конце света тарки завелись?

Тут Дуг наконец обернулся, навалился пузом (скорее виртуальным, – в его возрасте, да с его профессией, можно было бы обзавестись пузом и посолиднее) на стойку, грозно нахмурился и сказал:

– У меня в жизни Дорога завелась. И не вчера.

– Точно, Винка был, – покивала я. – Ты что же, на старости лет решил податься к нему в оппоненты? Поздновато, не находишь? Нам с тобой помирать скоро...

– Вот именно, что помирать скоро, – отозвался Дуг, – так что глотки рвут пускай те, у кого они ещё здоровые. Мне философии эти, как вам с Джой стэфалийская гитара – так, для фонового драйва... А вот помереть дураком не хотелось бы.

– Чего это ты в дураки-то записался? – удивилась я.

– Твоими стараниями...

– Здравьесте. Не шей мне дело.

– А я не портной – шить, у меня другие заботы. Тут у меня недавно, не помню кто, расписывал насчет осла, который сдох от жажды в двух шагах от двух поилок. Помирать и так-то сомнительное счастье, а уж ослом...

– Рыба моя, да что ж ты сегодня упёрся непременно помереть!..

Дуг глянул на меня с выражением, которое лет 20 назад я бы влёт определила как «... калина ж ты калёная, об пенёк битая...», но теперь не стала заостряться, только опустила глаза и завертела в руках стаканчик:

– Ты мне что сказать-то хочешь, не пойму?

Дуг поглядел в потолок, но ничего там не увидел. Помолчал, посопел, и наконец буркнул:

– Получается, опять про Дорогу.

– У-у, – сказала я примирительно, – Дуг, старина. Да ты за эти годы тут столько про Дорогу наслушался – сам больше всех знать должен, а?

– Шишки с две! – рявкнул Дуг. – Может, я и думал, что знаю... да тут у нас случилось кое-чего, так что теперь я вообще уже ничего не знаю...

– Господи, ну что ещё случилось?

Он повозился под стойкой, начал выпрямляться, охнул, схватился за поясницу... И спросил почти мирно:

– Ты за каким лешим в Зону переехала, а? Ну каким медом тебе на той стороне Реки мазано, вот чего ты там не видела?.. Холера, ну всё, всё тут – мы все здесь, кладбище здесь, дети твои здесь, Гиз, Джой, магазины...

Вот оно. Авантажно выражаясь, вчерашний день долго гнался за мной, а сегодняшний догнал и набил лицо. И самое время с ужасом вслушиваться в крадущиеся шаги завтра за поворотом – которое будет уже на танке, не иначе. *А на броне – ребята с автоматами...*

Что сейчас было бы особенно некстати, так это обсуждение причин того переезда. Во-первых потому, что только в молодости раны на тебе заживают бесследно, как на собаке. А во-вторых, как раз Дугу, умнице и немереной широты души человеку, я бы с такой усталой – до слез! – радостью пала на грудь, и рассказала бы все, и пожаловалась – и на поразившие меня напасти и страхи, и на *сложности перевода*, и на Джой... Но всего этого сделать было нельзя: не было у меня никакой гарантии, что Дуг поймет, а рисковать – в данном случае я рисковала не собой, и это все решало.

– ...Дружок, я переехала отнюдь не вчера. По детям и магазинам регулярно навещаю, – сказала я, отодвигая стакан и подбирая со спинки барного стула штормовку. – А если ты лично по мне скучаешь – так и навестил бы...

– Ты с дуба упала? – Дуг не даром столько лет был хранителем городского фольклора, он даже в нервах – нет, в нервах особенно! – изъяснялся только привычным образом:

– В уме и твердой памяти... за Реку?! Собака нездоровая пусть туда шляется...

Я вздохнула:

– У нас что за Рекой – чумная область?

– А, так ты не знаешь?! Да вот – Зона у нас за Рекой.

– Дуг, не дури, когда это было! Нет там больше никакой Зоны.

Наверное, моему голосу не хватило твердости, потому что Дуг глянул исподлобья, усмехнулся невесело и сказал:

– Это ты говоришь. А люди другое говорят.

– Какие люди?! Тарки, что ли, – так ты их слушай больше, они тебе и не такое расскажут...

– Мать, ну чего ты мне расписываешь, что я, тарков не знаю? А вот странникам верю.

– Тю! Это с каких пор к тебе странники навещаются?

– С каких надо, с таких и навещаются. Слушай, кончай прикидываться – пол-университета странники, а то ты не знаешь! Так что насчет Зоны – расскажи кому другому.

Дуг, как правило, редко ошибался. Но в данной ситуации и меня можно было понять, если по большому счету...

– Старина, я сколько за Рекой живу, ни одного странника не встретила, а геологи и в отчетах писали, и говорили тебе ребята из Управления по землепользованию, и я тебе сто раз уже... Ну, я-то чего бы в живой Зоне забыла?!

Дуг упрямо насупился, и буркнул:

– От, шишка ежовая, опять двадцать пять – за рыбу деньги. Да попёрлась бы ты туда, кабы не Зона, вот других мест в округе мало! Что в Городе тебе тошно было, это уж я знаю, это-то я как раз могу понять. В конце концов, столько на тебя навалилось сразу, и плакаться ты не умеешь толком, вам с Джой всегда проще помереть, чем пожаловаться... Ну – уехала, ясно, чтоб ничего не напоминало – когда Габи... когда с Габи... Но именно за Реку-то почему, ты мне объясни?!

– Что ж ты сегодня докопался до меня, как пьяный до радио. Там всё с нуля, дико, непросто, красиво до катарсиса... и некогда вздыхать о бренности жизни... и народу никого, и собакам простор... Ладно, предположим, живу в бывшей Зоне, хорошо. И что, рога с копытами у меня выросли? Щупальца с присосками? – живая, здоровая, хоть и древняя, как наши хачкары...

Вот тут Дуг почему-то рассвирепел окончательно. Он опять яростно крутанул ручку кассы, доламывая её этим движением окончательно, и сказал очень тихо:

– А мы ведь друзья были. Столько вместе... Спасибо, догадался на старости лет – в идиотах, оказывается, ходил у тебя всю жизнь... Да, я тогда ничего не спрашивал – у кого бы совести хватило к тебе тогда лезть, в твоих-то обстоятельствах!.. Только мне и спрашивать

не надо было, я и так понял – ты же помирать туда потащишься после всего, как собака раненая, скажешь, нет? – и вот уже... а, хрен с ним, не помню, сколько лет – жива, здорова, ящик с тушенкой давеча в багажник вволокла эдак без инфаркта... И не Зона, говоришь?!

Я чуть не выронила куртку, и кажется, даже очки, задвинутые на макушку, поверх платка, встали дыбом:

– Дуг, да ты и вправду сдурел... Ты меня в мои 72 в Кашеихи Бессмертные, что ли, записал?! Вот спасибо тебе большое – оказывается, у меня в Зоне философский камень зарыт. Сам-то в уме?!

– Знаешь что, катись ты... К своим собакам ненаглядным, кикимора заречная.

В общем, поговорили. Пообщались, холера...

Как любит весело напевать мой старший сын, *«...нас повесили испанцы, но убить нас не смогли! Мы раскачивались и смеялись – круто время провели!»* — классная штука молодость, с какой стороны ни глянь.

Шлепнув на стойку горсть мелочи, я молча развернулась и направилась к выходу. Не то чтоб так уж обиделась на кикимору, но не худо было бы добраться домой засветло. И собаки заждались. А Дуг... В другой ситуации его романтическая версия моего переезда насмешила бы до горьких слез, но тут... В чем-то он был безусловно прав, хотя помереть я себе тогда уже никак не могла позволить, что бы там ни было. Да и тот ящик с тушенкой был пуст наполовину – скажите, тягота какая, 10 банок!.. Но переубедить Дуга, если он себе что-то уже вбил в голову, мог только Винка – молодое (в сравнении с нами) светило философского факультета, наш местный *клоп-говорун*. А звать Дуга за Реку было всё равно, что предложить ему кинуть яйцо в вентилятор. Он безусловно не был человеком костным, – в конце концов, попав сюда, он пережил достаточный культурологический шок: средний европеец обычно чувствовал себя в Стране, как марсианин на Юпитере... Удивительно и достойно всяческого восхищения, как легко Дуг принял все тутошние реалии, и вписался в них быстро и естественно, как пьяный в велосипедиста. И даже внес свою собственную лепту в создание новых традиций, и бытовых, и языковых. Не зря возникла и закрепилась в местной весёлой науке болтологии клятва: «Чтоб мне больше никогда не зависнуть у «Повешенного...»

Именно поэтому я была абсолютно уверена, что первый свой шаг за Реку он должен сделать сам. Как не крути, а Микада правильно сказал однажды, хоть и уверял нас, что шутит:

– Закон Дороги гласит: рано или поздно каждый оказывается перед вопросом, что будет, если кинуть яйцо в вентилятор...

Давным-давно вычитав это дурацкое яйцо в какой-то книжке, мы с Джой пустили его в обиход в значении «махнуть за красные флажки».

И вот же удивительная вещь: приятели из Департамента по охотоведению рассказывали, что с некоторых пор волки перестали бояться красных флажков. Волки периодически становятся проблемой в наших просторах, 80% которых – национальные заповедники, и регулировать численность хищников частенько приходится вручную. Так вот, роль красных флажков теперь исполняют магнитофонные и видеокассетные ленты, которых серые отчего-то в последнее время боятся больше смерти... Вот и гадай, у кого больше разума – у нас, или у братьев наших меньших.

Глава 2

Я настолько некоммуникабельный, что, начиная разговор, уже думаю, как буду избавляться от трупа.

Анекдот

В какой-то мере Дуговы недоумения можно было понять. Вот уже лет пять я живу в 64-х верстах от города, одна – рядом только собаки, ласковые, добрые, бестолковые, никому, кроме меня, ни за каким шутком ненужные.

Конечно, я стараюсь воспринимать одиночество как несомненный Божий дар, только подаренный навыrost. Пусть пока не могу в должной мере оценить ни тишины, ни ясности никем не задуренной головы – но уж зато не приходится каяться ежедневно вечерним Правилom в осуждении ближнего, за неимением под рукой такового.

...А как необходима вдумчивая ясность седой головы, когда напоследок особенно остро переживаешь каждую минуту, каждый миг бытия, а они мелькают, как финальные титры киноленты, с последними метрами которой доматается на жёрнов Дороги и твоя собственная жизнь – и экран погаснет. Наверное, поэтому так близка и понятна е ело ду а, меня, как пьяный до радио?!ника не встретилда, осенняя тревожность облетающих лесов: листопад сорвал пожелтелые паруса крон, и дом представляется одиноким судном, заброшенным бурей к необитаемому острову, а подступающие к стенам ели кажутся вставшим на дыбы прибором... Суета, спешка, недовольство, роптание и пустые хлопоты – все это осталось где-то там, за бурей, а здесь – прочные бревна сруба, темные потолочные балки, сухие букеты на полках, как память о далекой родине – лете.

Лете года, лете судьбы.

Сейчас шорох опадающей листвы сопровождает меня повсюду, и от него невозможно укрыться, как от звука прибоя на маленьком острове. Когда налетает ветер, шорох нарастает до тихого гула, а иногда в него вплетается шепот дождя, такой, с чуть металлическим резонансом, как будто кто-то перебирает и встряхивает ёлочную мишуру. В начале осени лист редел совсем незаметно – казалось, он не облетает, а просто множится, прибывает, потому что подрастал золотой слой на земле, а на кронах оставалось всё то же непроглядное солнечное сияние. Но к октябрю в кронах сияния стало заметно убывать, а снизу прибавляться – проснулись песочные часы осени.

Теперь, перед самой зимой, золото под ногами потускнело и съежилось от холода, и уже не шелестит по веранде, а едва слышно поскрипывает, как пепел недавнего лесного пожара, хотя по-прежнему остро и тревожно от палого листа пахнет морем. И, может быть, самым последним, самым удивительным странствием, из которого нет возврата.

Мой дом «в Зоне» есть добротная бревенчатая изба-пятистенка, построенная наемной бригадой из республики, которая с некоторых пор безусловно входит в состав нашей Федерации, но находится за непролазными горами. До присоединившей её к нам Войны эта республика жила автономно и, по нашим меркам, уныло, так что к культуре Страны отношения почти не имеет, и фольклора не знает. Это я к тому, что байки о Зоне до них не дошли, слава Богу. Крепкие ребята деловито расчистили от леса соток 12, спорo собрали сруб на первом уступе обрывистого берега Реки, получили надлежащую щедрую плату и уехали, упустив навсегда уникальный шанс прикоснуться к местным легендам.

Неширокая, но буйного нрава Река под обрывом, истоки которой лежат в высокогорных ледниках, голосиста и непредсказуема, но я люблю потрепаться с ней, когда больше не с кем. Она огибает мои владения скандально: головокружительно падает с крутых порогов, тонет под

крутоярами лесистых склонов в омутах и водоворотах, торопливо щебечет птичьими голосами на быстринах и плёсах. Моста через неё нет, во всяком случае, в Зоне. Обычно я перебираюсь к Городу на Кузе через брод, о котором кроме меня уже, поди, никто и не помнит, – в километре от дома, где Река вдруг рассыпается ровным каменистым перекастом. Ну, а в периоды затяжных дождей или снежных заносов Кузе приходится карабкаться таежной просекой вверх по сопке, сворачивать налево, и по устланной сосновой и кедровой хвоей грунтовке скакать до железно-дорожного переезда в распадке, за которым можно выехать уже на нормальную трассу. Навыки экстремального вождения я усвоила ещё только попав в эти края, а было это, было это... Строго говоря, это было жизни две-три назад.

Все полторы дороги до цивилизации я старательно поддерживаю в должном состоянии при помощи маленького трактора-универсала, к которому Кузя меня беспочвенно ревнует. Во всяком случае, после особо долгого общения моего с трактором, Кузя всегда заводится с подчеркнутой неохотой.

Про климат Страны у нас обычно говорят так: если тебе не нравится погода – подожди минут десять. Вот и сегодня поздняя осень выкинула очередной фортель – воссияло солнце. От ночного заморозка уже к одиннадцати часам утра и памяти не осталось, оттаяли не только белые кораллы покрытых изморозью трав, но и запахи, – опять потянуло по-над огородом нагретыми сосновыми стволами, укропом, тимьяном, яблочной падалицей... В солнечном дымном луче видно было, как на припеке разрезвилась повылазившая откуда-то невиданная прозрачная мошкара.

Разве вот у родника за домом, по окоему бочажка, трава льдисто топорщилась. Но там и так тень лежала вековая, от недоупавшей, мордой в реку, пихты. Да и вообще уже стояло *предзимье*, с крепкими (до -10°) ночными заморозками и голым лесом, только лиственница ещё не всю огненную крону сбросила на подмерзающую землю; по вечерам на небе показывались особенно многочисленные и яркие, как волчьи глаза, звезды – всё как-то подобралось и поджалось в преддверии близких снегопадов; прилетающие только на зиму стайки свиристелей и снегирей уже совершали налёты на оставленную специально для них на верхушках кустов черноплодку, боярышник, рябину... И не играл больше с лесом утренний шаловливый зефир, а набрасывался на добычу к ночи суровый, родства не помнящий ледяной киллер-норд.

Но вчера у него, видимо, случился отгул, и такая сегодня теплынь-расслабуха неожиданно пала на окрестность, что я, дура старая, пошла проверять, не вошли ли озимые чеснок с луком на грядках. А с какого перепугу было б им входить – посажены поздновато, 2 недели назад, в последнюю декаду октября... Убедившись, что под редким наваленным лапником никаких противоправных всходов не намечается, я занялась обычными своими сиротскими – се ля ви! – делами.

Набила ещё одну кривоватую (уж какая нашлась) сосновую плашку на подгнившую ступеньку крыльца; нарезала мха, навязала в пуки, и заткнула ими отдушины подпола; убрала в сарай огородный шанцевый инструмент; подвязала кусты у дома – чтоб не обломало лавинами снега с выносов крыши; утеплила старым одеялом щит из вагонки, прикрывающий сруб колодца, – все никак не доходят руки заказать приличное наверху, а если не прикрыть – в первые же морозы за -20° замерзнет труба, подающая воду в дом.

...Сняла с чердака просушенные травы, промяла их, разложила по банкам – на чай, настойки, от моли, от простуды, собакам на витамины... Проверила в холодной кладовке консервы. Ранние овощи уже, пожалуй, можно есть – свеклу, которую я мариновала в уксусном меду, баклажаны, фаршированные грибами, сладкие огурчики-корнишоны с амарантовым листом, салаты из яблок и хрена с ореховым маслом... А вот осенним грибам надо ещё постоять, особенно моховикам с груздями – пусть гуще пропитаются маринадом с пряными травами.

...Устала, присела отдышаться. С удовольствием оглядела сухие букеты – индиговый синеголовник, лошадиные хвосты пампасной травы и камыша; всё ещё розовые, воздушные и трогательные облачка валерианы; плети хмеля, brutальные красные прутья дёрена, саксофонные клавиши ярутки. Я обожаю сухоцветы, поэтому они у меня везде, – на камине, книжных полках, на музыкальном центре... Когда-то в прошлой жизни Микада даже прозвал меня за эту страсть «заслуженной экибанкой Страны», негодяй.

Собак визуально не наблюдалось – видимо, охотились в лесу, на радостях, что сезон охоты открыт официально, и я отправилась варить собачью похлебку. Делать это приходилось каждый день, потому что оба пса были ростом с элитных кабанов, с соответствующим же аппетитом, а вёдерная кастрюля – это мой потолок, что бы там не трепал скандалист-Дуг, больше мне не поднять. Ну, хорошо кушают собачки, дай им Бог здоровья. Ну, аппетит у них. Выселки, тайга, спортивные игры на свежем воздухе, то-се...

Хотя могли бы охотиться и по серьёзному, дичи полон лес. Ага... Щас! Булька весело гонял всякую мелкую (и не очень) живность, но так до конца и не мог определиться, кого гоняет: потенциальную пищу, или нового товарища веселой игры. Катька же упорно мышковала в доме. Само по себе это было неплохо, за неимением кошки, кабы Катька, мгновенно в азарте теряя разум, не устраивала многоходовое сафари с переворачиванием мебели, сдиранием не вовремя подвернувшихся под лапу штор и футболом с питьевой миской, с дальнейшим – а как же! – вселенским потопом. Упрёки мерзавка воспринимала крайне болезненно, обижалась насмерть, уходила в огород, и пряталась в кустах облепихи (старательно расстелив хвост поперек дорожки), а потом долго и вдумчиво вылизывалась на диване, подчеркнуто не замечая моих попыток сначала воззвать к её совести, а потом – помириться. Иногда я, вконец остервенившись от растоптанных комнатных растений или загнанных под шкаф тапочек, на мировую идти не торопилась. И это была вовсе не вздорность характера, потому что убираться-то приходилось мне; а между тем старость, как известно, *это время, когда нагнувшись завязать шнурок, прикидываешь – что бы там, внизу, ещё заодно сделать...* В таких случаях Катька несколько выжидала, а потом начинала внезапно возникать из-под локтя, заглядывала преданно в глаза, делалась непроходимой и непролазной, застила всё на свете, пока не потрепелась по загривку и не признаешь, что всё ей простила...

А вот Булька ещё объедал виноград, до которого только мог дотянуться, и медовый крыжовник, и черную смородину, а однажды выворотил с грядки кочан цветной капусты, и обгрыз.

Катьке было 17 лет, её сыну, *герцогу Бульонскому*, – на полтора года меньше, но они на возраст, в отличие от меня, плевали, и частенько вели себя, как дурные дети.

Вспомнив, кстати, о диване, я протерла его влажной тряпкой. Благо он кожаный, черный (Катька терялась на нем совершенно), ещё нами с Джой собственноручно купленный в Юне, опять же с четверть века назад. Потом, уж до кучи, протерла полы, мельком подумав, что пустое это дело – опять собаки грязи нанесут... И тут обнаружила, что нынче сама исправно сработала за кошку, которая, говорят, всегда вылизывается к гостям. Оказалось, не зря наводила я на дом марафет: в дубняке у брода заорали истошными голосами сойки, а это могло означать одно – у меня посетители. Сойки в здешнем хозяйстве выполняли рабочую функцию колокольчика на калитке, за что я их любила, привечала, и строго-настрого наказала собакам по сойкам не баловать.

Гости на хуторе случались разные, хотя, слава Богу, по эту сторону Реки редкие. Мог забрести медведь – но поздней осенью медведи уже укладываются в берлоги. Мог лось пожаловать, и тогда не худо было бы объявиться собакам, так как набег всяких копытных на огород я обычно пресекала решительно и непреклонно, в идеале – чтоб на долгую память. К сожалению я, как и собаки, совершенно не могла здесь охотиться, рука не поднималась – разве что в слу-

чае совсем уж недвусмысленной угрозы жизни и здоровью, чего, слава Богу, доселе не случилось. Только что попугать... Но для лосей голодное время наступит гораздо позже, они пока кочуют по дальним предгорьям, по дикой тайге. У маралов как раз сейчас гон, но они недолюбливали собак, и даже в апогее любовной лихорадки наших краев избегали... Кроме того, в этом году я ещё не видела ни одной росомahi, хотя в прошлый сезон они с постоянством, достойным лучшего применения, всё покушались на ледник и компостную кучу, но, атакованные собаками и выстрелами в воздух из карабина (моего, естественно), постепенно все от нас отстали. Я была уверена, что нынешней осенью, как придет время наглому молодняку искать собственных территорий, они опять объявятся, и всё начнётся с начала – ан нет, видимо, про хутор среди росомah закрепилась дурная слава. Кабаны?.. Да ладно, дубняк совсем небольшой, и склоны для кабанов каменисты и крутоваты...

Я могла бы до вечера гадать на кофейной гуще и перебивать косточки соседям – окрестной фауне, – но тут закричали сороки.

Сорока – птица из породы *людоведов* и *душелюбов*, селится возле жилья. Их радостная истерика уже означала решительный стук в парадную дверь, и я запоздало встревожилась. Не то чтобы я боялась гостей – чего мне их бояться? – ну, живет себе дикая бабка в чумовом месте, подумаешь... Просто привыкла к своему затворничеству, и никаких сюрпризов не ждала и не хотела. Хватит уже с меня сюрпризов.

...А может, Дуг всё же набрался храбрости?.. Да нет, он деликатный человек – во-первых, сначала бы на сотовый позвонил, в крайности СМС скинул, а во-вторых...

Во-вторых, Дуг, конечно, тарков знал как лупленных, но городских, одомашненных. В естественной же, так сказать, природе он с ними, в отличие от меня, никогда не общался, – поэтому, несмотря на свой вполне пенсионный стаж проживания в Стране, не имел о тарках, если честно, ни малейшего представления.

Нет, кое-какое имел, и вполне верное, но очень неполное.

К примеру, в свое время тарки обучили меня, среди прочего, нескольким хитростям, касавшимся безопасности жилища. В Городе, в Стране, где воровства спокон веку не ведали и сроду дверей не запирали (потому что тебя всегда накормят, если голоден, и оставят ночевать, если негде), эти секреты никому задаром были не нужны, а вот мне теперьгодились. Хитрости делились на «пугалки» и «отпугивалки». «Отпугивалки» предназначены были для людей, не до конца определившихся в намерениях. Мало ли, что с человеком случится – *шел в комнату, попал в другую*... И чтобы проще сделалось принять верное решение, в узенькую трещину скалы вставлялось: по классическому рецепту – тростниковая дудочка определенного сечения, а по современной практике – отбитое горлышко стеклянной бутылки. Зная (а это знает любой абориген) местную розу ветров и генеральные направления воздушных потоков, ничего не стоило устроить в близлежащем распадке, и так имеющем в народе худую славу, эдакую *ночь в опере* в исполнении горных троллей, которая в момент заставит досужих любопытствующих перекрыть все олимпийские рекорды бега по пересеченной местности. По трассе *отсюда – и до обеда*.

Пугалка же могла представлять из себя, например, «падающее» поперек дороги дерево, сложность задачи которого заключалась в том, чтобы, Боже упаси, не ушибить ненароком непрощенного гостя, а только ошарашить и деморализовать, а хозяину подать сигнал: *слоны в городе*. Для этого бралось не толстое, не тяжелое, но очень развесистое полено, навешивалась система нехитрых рычагов... Гость неминуемо наступал на определенный сегмент тропки, срабатывал рычаг, полено разрывало веревку, и на тропку перед пришельцем обрушивался небольшой камнепад. Я слышала грохот, видела поднимающуюся столбом пыль и делала соответствующие выводы; гостю же ставилось на вид, что хозяин кротко удивляется – с чего это

вдруг пришелец решил, что по нему тут так уж соскучились... Ничего особенного, если разобаться: в старинные времена было куда как веселее. Ведь тарки до поры-до времени жили, так сказать, в подполье, имелась там одна давняя распря... Долгое время тарки к чужакам вынуждены были относиться с осторожностью. Поэтому вблизи таркских поселений где умело направленный солнечный рикошет вызывал «призраков» плясать над тропинкой, а то и вовсе ослепить на минуту непрошенного гостя; или запах пренеприятнейший заставлял вдруг расчихаться до слез, или звук нешуточной лавины настигал и гнал прочь... Чего только не выдумывали эти затворники-затейники, всего и не перескажешь.

Короче, о любом прямоходящем сапиенсе я была бы извещена не только сойками. Конечно, оставалось ещё небольшое количество людей, которые могли бы пожаловать запросто, – для них все эти домотканые мышеловки-самостройки были даже не таблицей умножения, а так, подготовительной ясельной группой.

Но они не придут. Потому что многие знания, слава Богу, дарят не только многие печали, но и доброту с мудростью. Потому что на капканы-то им плевать, а на мои пожелания – нет, а я просила не тревожить. В конце-то концов, мои годы дают право хотя бы на причуды...

От соек до сорок было полчаса пешей ходьбы, от сорок до хутора – минут 15. Я вышла на крыльцо и огляделась придиричиво. Всё-таки Дуговы фантазии здорово меня встревожили.

В огороде точно ничего эпатажного не наблюдалось, да и в доме... Хотя, если рассуждать пристрасно, имелось в моем доме одна неоднозначная штука.

Отчего-то почти каждый сочинитель кровавых триллеров (а также обморочно-заумной фантастики), вознамерившийся ужаснуть обывателя до злой икоты – пусть он, сладкий зайка, непременно так напугается, чтоб встали дыбом власы, и выпал из задрожавшей руки стаканчик с попкорном, чтоб выкатилась в коридор, в черную тьму, бутылка с пивом, и раздался предсмертный безмозглый визг – Ва-а-а-у-а-я-я-я!! – так вот, для достижения такого градуса паники писатели-ужастики идеальным средством полагают перенести сюжет в некий зловещий, по их мнению, интерьер, стопроцентно обещающий запредельные страхи.

И если это не кладбище, то уж обязательно библиотека.

Почему хранилище мировой мудрости внушает некоторым пишущим людям такую панику?! – в толк не возьму; где бы ни жила я, эту **зону риска** в своем доме всегда с особой любовью обустроиваю.

Вот и сейчас в доме отличная библиотека – три стены, до потолка, в крепких сосновых полках, и на каждой книги в два ряда. Классика, современная литература, искусство, справочники по геологии, судоходству, садоводству, рисованию, вязанию; жизни замечательных людей, мемуары, поэзия, сказки всего мира; художественные альбомы, лоции, энциклопедии, словари... Вот триллеры не жалую, особенно мистические. Всё, что касается магии, принимаю только «с дальнейшим её разоблачением», что-нибудь типа того анекдота:

– *Что делать, если за мной гонится бешеный дракон, сбесившийся слон, и сумасшедший кенгуру?!*

– *Сойдите с каруселей...*

Я часто сижу в Интернете – читаю книги онлайн, и кое-что скачиваю, если нет возможности или желания покупать бумажный вариант. Но это совсем не то. Запах клея и картона, и краски от обложки, и аура бумаги, впитавшей в себя труды сочинителя, редактора, художника, наборщика, корректора, каждый из которых внес свою малую лепту в конечный результат, – вот этой всей энергетики у электронной книжки нет. Как написано у одной из моих любимых авторов, *в наше время искусство начало уходить из ремесла*. Но ладно бы писатели – точно

так же, кстати, наблюдается и явственная девальвация искусства чтения. Ведь на самом деле только с того момента, как книгу берет в руки понимающий человек, и начинается её настоящая, не виртуальная жизнь – будни, наполненные взлётами и поражениями. Стебелёк травы, которым заложена удивившая страница; пятна непонятого происхождения – слёзы?.. вино?.. Или читатель, поливая газон, никак не смог оторваться от захватывающего повествования?.. Резкие пометки на полях – согласия или несогласия, но – ура! – равнодушие. И окончательная победа над белым безмолвием чистого листа: торопливо, случайным стилем (шариковой ручкой, роллером, детским фломастером, карандашом для подводки глаз), срываясь и оступаясь в не разграфленном пространстве полей – мелко и густо, от сердца набросанные собственные непричёсанные, самые искренние мысли читателя, навеянные автором... Вот состоявшаяся судьба, вот истинный смысл настоящей книги!

Кроме библиотеки, единственного известного мне лекарства от роптания на судьбу, отчаяния и безумия, в моей жизни был ещё очаг, – основа бытия, защита от холода и бесприютности; кухня и огород, в равных правах обеденный стол и грядка, хлеб насущный в поте лица, – места сиюминутного, смертного *будничного волшебства*: навыка, мастерства... Искусства? – да, искусства быть самой собой, наверное. Потому что безусловно, по сравнению со стажем работы в любом, даже самом замечательном «присутствии», теперешнее моё пенсионное времяпрепровождение со стороны могло показаться ленивой праздностью. А на самом деле это была просто возможность заниматься тем, чем действительно умеешь, любишь и хочешь заниматься, уже без оглядки на *хлеб насущный*: ни от кого не зависящая реализация собственного навыка и мастерства, что шишки с две придет довеском к первому пенсионному чеку, как унизительный арифметический подсчёт прожитых тобою лет. Нет, по Гамбургскому счёту эта возможность оплачена каждым днём и часом жизни, и раскорчёвана, и вскопана предельным крестьянским напряжением сил, – и засеяна накопленным за жизнь семенем мастерства, на тихих полях, в экологической нише старости.

...Да ты с ума сошла, милая, спохватилась я наконец: сказки хороши, чтобы развлекать близких – детей, друзей, в крайности подросших внуков, как-нибудь вечером за чаепитием с капелькой кальвадоса. Но уж точно не сейчас, когда в Зоне посетители, лучше подумай, что ещё может показаться странным досужему гостю... Я призадумалась. Конечно, диковато гляделись в Стране с зимними морозами за 40° и мускулистые лозы винограда, захватившие веранду с юга, и вечнозеленый плющ, вывезенный из вполне себе умеренных стран с мягкой зимой, дополнявший картину с востока, запада и севера, и ещё кое-что, заметное, правда, только летом; для мистически настроенных гостей можно было бы только вывесить табличку с описанием особенностей земледелия в районе с геотермальными источниками. Кроме них, густая сеть ручьёв, ручейков и родников, в сочетании с ярко выраженным горным рельефом, обеспечивает тут отличный дренаж, что всегда способствует повышению плодородности почв.

От леса, где гомонили сороки, до дома тянется обложенная камнями дорожка по саду-огороду, проложенная с таким расчетом, чтобы с веранды иметь время разглядеть гостя. Я успела разглядеть – тот самый *тихий куст*, что сидел у Дуга в мой последний визит. Высокий, худой, с палочкой и во флеке. Ничего конкретного это о нем не говорило – в Городе спокон веку ходят во флеке все, кроме дипкорпуса, национальной гвардии и тарков, то есть тех, кому положена строгая форма. А этот обычный гражданский камуфляж, несмотря на название, имел отношение не столько к цвету, сколько к удобству – он на все случаи жизни, а жизнь в Стране, как я уже говорила, стрёмная. *У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба...* Отсюда и со старинных времен сохранившееся напутствие: «Чтобы ты дошел туда, куда идешь». Это пожелание даже в нынешние электронные времена актуально, потому что в Стране всё внезапно: например, снежные шквалы могут в считанные часы занести улицы до вторых этажей, а затяжные ливни – сбросить с гор, которые сразу за порогом, грязевые сели. А метель низовая,

полирующая дороги в лед, дней на пять? А землетрясения регулярные, балла так на два-три?.. А туманы непроглядные, всесезонные, неделями? А ледяные дожди?.. Нет – флек, флек, и ещё раз флек. И карманов с полсотни, и под погоду он сориентирован, и шьют его теперь Джоевы пошивочные фабрички вполне модельно, где-то даже брендово.

Встретила я гостя, как положено, на крыльце.

– Мир сему дому, – вежливо поздоровался он.

Местный, решила я: говорит без малейшего акцента, хотя и не похож на местных внешне, – седоватый шатен, короткий ежик на голове... Этнические жители черноволосы и сероглазы. И стройны, как *юные князи*, на зависть всему остальному человечеству, к которому принадлежу и я.

Скорее всего гость, как мы все, давно и прочно обосновавшийся здесь *гринго*. Собственно, «гринго» – слово из другого языка, пущенное когда-то в обиход опять же нами с Джой. Ну, мы-то ещё на родине начитались Майн Рида, а вот простодушные местные жители решили, что это общепринятое самоназвание всех иностранцев во всем мире, и даже улицу, где поначалу селились первые переселенцы, назвали улицей Сумасшедших Гринго. Правда, в местном языке слово «сумасшедший» имеет не такое **диагностическое** значение, как в европах: оно обозначает просто человека, чьи привычки непривычны лично тебе. Титульная нация Страны стара, мудра и великодушна.

– Ладно, пусть мир, – ответила я, задумчиво его разглядывая, – миру – мир, войне – кукиш с кедровым маслом, а каждому гостю – по гостеприимному хозяину.

Последовала многозначительная пауза, в течение которой пришелец, – я надеялась! – пытался визуально определить, в уме ли бабка, а я – понять, удалось ли мне его шокировать. Гнать заходжанина с порога в Стране считалось беспредельной низостью, а с другой стороны – на какую лебеду он мне тут сдался?..

Оба так ничего и не определили; гость перемнулся с больной ноги на здоровую, нахмурился и сказал:

– Меня зовут Берт, и я пришел с вами поговорить, если позволите.

– Вы как сюда добрались, для поговорить? – спросила я, не сильно торопясь с приглашением в дом, – на палочке верхом?

– Нет, на одной попутной корове.

– То есть, до переправы вас на яке подкинули...

Спрашивать, как поживает мое развесистое бревнышко, было бы несколько бестактно; следовало понимать, что заходжий Берт принадлежит к почтенной касте старожил, и надо срочно менять тактику разговора. Я почти растерялась, но тут подвалили собаки. Увидев чужака, они от изумления залились лаем, вполне самостоятельно им захлебнулись, и, поскольку никаких вводных от хозяйки не последовало, завиляли хвостами и принялись гостя обнюхивать.

– Полезете обниматься – шкуры спущу, – предупредила я, глядя на их лапы, извазюканные в подпольных почвах. И потом уже гостю: – Они отчего-то всех людей считают моей любимой кровной родней, потерянной в детстве, и обязательно лезут здороваться, как после горькой разлуки.

– Да, – сказал гость, – понимаю. В Стране собаки исстари члены семьи, а вы тут затворничаете... Да ещё с их габаритами...

– В Стране на них зимой ещё и ездят. Впрочем, а на ком – нет... С их же габаритами в Городе мне на них габаритные маячки пришлось бы навешивать, – проворчала я, – а Дуг ещё спрашивает, чего я их с собой не беру...

– А на самом деле отчего не берете? – вдруг спросил незнакомец.

– Потому что транспортный налог платить придется, – буркнула я. – Давайте уже, заходите в дом...

Собаки ни минуты не сомневались, что моё приглашение относится и к ним тоже, и протиснулись следом.

– Присаживайтесь, – сказала я. Собаки (кто бы сомневался!) и это приняли на свой счет, и начали шумно устраиваться на диване. Я приняла мужественное решение плюнуть на хамов, и не связываться. Отодвинула для гостя дубовый стул от дубового стола, и включила электрический чайник.

– Ух ты, – сказал гость, – электричество-то здесь откуда?

– С той стороны сопки, недалеко, военная часть. Мне оттуда кабель пробросили.

– Господи, сколько ж это стоило?!

Его удивление было вполне понятно, да и вообще гость производил впечатление человека внятного и разумного.

– Честно говоря, мне это ничего не стоило, у меня в этой части сын работает полковником.

– Вот оно что, – усмехнулся гость, – ну, поскольку в нашей благословенной Стране, по официальным данным, нет не только воровства, но ещё и ни кумовства, ни коррупции, то чай будет наверняка с цикуттой. Или с белладонной?.. Вы свои жертвы в огороде закапываете, или собачкам скормливаете?..

Вопрос был задан с таким неподдельным человеческим любопытством, что собаки наставили уши, а я расхохоталась наконец.

– Пейте спокойно. Я тут числюсь смотрителем объекта, официально... Только не спрашивайте, что за объект – не беру в голову.

Строго говоря, смотрителями должны были бы числиться собаки, потому что именно они осуществляли догляд за странноватым сооружением по ту сторону сопки, – территории, не входившей в понятие бывшей Зоны, – и мужественно защищали строение от лосей, медведей, росомых, кабанов, сорок и соек – то есть всех тех, кто никогда и никоим образом вреда объекту нанести не смог бы. На самом деле это имело какое-то отношение к ПВО, но первый и последний инструктаж по «охране» показался мне неким дежавю: более полувека назад до этого события мой бывший муж Фрэнк давал мне первые уроки вождения; пришло время объяснять устройство двигателя внутреннего сгорания, чего и я, и супруг ожидали с ужасом. В результате Фрэнк – опытный человек, бывший гонщик и недурной психолог, – принял верное решение, подвел меня к капоту, открыл его, сунул меня туда лицом и произнес торжественно и мрачно:

– Смотри. И запомни раз и навсегда: никогда в жизни больше туда не заглядывай. Я тебе говорю.

Надо было быть полной идиоткой, чтобы пренебречь столь мудрым советом, а полной идиоткой я не была – не случилось как-то.

Предположив, что гостю сложно сразу в лоб начать разговор о том, какие удивительные капризы судьбы занесли его в наши неприветливые дали, я предложила техническую паузу.

– Чай или кофе?.. Только предупреждаю, как честный человек – чай травяной, местный, всякого целевого назначения. А кофе магрибский, от кутюр. Что будем пить?

– Мэм, да мне как-то неловко...

– Бросьте. Неловко было вам, с вашей палочкой, по тропинке скакать так, чтобы мои ловушки не сработали – однако, как-то проскакали...

Гость улыбнулся – насмешливо, но не зло, без вызова:

– Я тут уже больше четверти века. И много работал и со странниками, и с тарками.

– Значит, кофе, – кивнула я, и полезла в буфет. Собаки опять завозились на диване – Булька для чего-то встал, начал топтаться... Наступил, бегемот, Катьке на хвост, та предупреждающе рыкнула...

– Лежать, бояться, – не оборачиваясь, сказала я, – ситуация под контролем.

Готовить кофе меня учили профессионалы – слава Богу, в молодости по свету я попутешествовала от души, так что краснеть не пришлось. Гость тоже в кофе толк знал, потому что, как только запах пошел, лицо его приобрело выражение задумчивое. Если не сказать лирическое.

Время было ближе к обеденному, и я подала на стол домашний хлеб, холодный жульен из дикой утки с грибами, и рыбно-мясную нарезку домашних копченостей, что когда-то у нас с Джой называлось «ленивыми бутербродами». Новоявленный Берт не стал чиниться и отдал дань угощению – по местным правилам таежного этикета из этого следовало, что явился он не с дурными намерениями, а действительно только поговорить. Когда с едой было покончено, и даже мятущиеся от несбыточных надежд собаки перестали оббивать хвостами ножки стола, я разлила в чашки по новой порции кофе, уже по-имперски, то есть с имбирем и кардамоном, и сказала:

– Ладно, а теперь колитесь – что вам от меня надо?

Гость выпрямился, поставил на стол недопитую чашку, нахмурился и спросил:

– Мэм, зачем вам трое очков?

На диване с собаками возникло неприличное веселье. Или показалось?..

Действительно, на груди у меня, на разноцветных кожаных тесемках с фенечками, сплетенными одною из внучек, висело три пары очков. Если гость имел в виду сбить хозяйку с толку, то ему это вполне удалось.

Ну, при чем тут мои очки?!

– Слушайте, как вас там... Берт. Имейте уважение к старости. В моем возрасте трое очков ещё совсем не предел. Даже странно... Эти для вождения, эти для чтения, а эти – для компьютера...

– Здесь берет Интернет?

– Берет, берет... только кто кого, не всегда понятно. Тут, знаете ли, как в «Винни Пухе»: *идут ли слонopotамы на свист, и если идут, то зачем...* Обычно этот вредитель саботажит на предмет «невозможности отобразить страницу», или забрасывает меня гнусными оскорблениями типа «обновите браузер». А как объяснишь подлецу, что для моего возраста любые намеки на обновление браузера звучат, мягко говоря, бестактно... Хотя чаще всего мы с ним играем в «сенежского механического дурака».

– Это как?

– А, это игра такая, в неё все сенежане постоянно играют с бытовыми приборами. Правила такие: ты должен заставить прибор работать, а он должен не дать тебе это сделать. Кто перетрудился, тот дурак...

И вот тогда он спросил:

– Мэм, скажите, а почему все-таки вы живете по эту сторону Реки?

...Если захотеть, то можно многое запросто списать на оговорку, – но это было бы открытой подтасовкой фактов. Что там нашептывает регулярно дежурная старческая бессонница, плевать, – до маразма пока ещё далеко. О тысяче вещей можно осторожно сказать себе: да не слушай, ерунда... Но не услышать сейчас было невозможно: до сих пор все спрашивали, отчего я поселилась на «той» стороне Реки. Случайный гость сказал: на «этой».

Можно было бы списать оговорку на то, что сейчас он сам находился по эту сторону, – что ж такого, если человек просто умеет грамотно выражать свои мысли... Но, как гласит местная народная мудрость, *другого обманешь на час, а себя – навсегда*.

Я не могла ошибиться: Берт произнес «эту», как «нашу».

...Не мне, а старости моей, поизносившейся в десятках разочарований, сложно было поверить, что возникло вдруг в равнодушном и справедливом мире (против этого ты уж во всяком случае не станешь возражать, старушка-вострушка, верно?) с неба упавшее избавление тебя от непонимания. Того самого, над которым ты когда-то, в силе и славе молодости, в свои *тучные годы*, ещё счастливо-близорукая, привыкла посмеиваться, и влет диагностировать у **других**, как лёгкую форму параноидального эгоизма... И на которое теперь, в эпоху фатальной дальнзоркости, сама себя уже осознанно обрекла из очень – Господь свидетель! – важных, и где-то даже трагических резонансов.

Но вот чтобы понимание так просто пришло к тебе, на закате обыкновенного хлопотного дня, с суковатой палочкой и умными глазами... Сколько видела моя зрелость и старость умных глаз, которые рано или поздно подергивались дымкой недоверия, непонимания, а главное – нежелания понять, потому что понять – это обязательно принять и разделить. И не меня, пусть ни на кого не похожую, но всё-таки прожившую достойную жизнь, состоявшуюся и самодостаточную, – а мою щемящую ответственность за кого-то другого, кого в своё время имела то ли мужество, то ли неосторожность понять и взять под защиту. Кто отважится встать со мной в **моей** ситуации – *спиной к спине у мачты, против тысячи вдвоем?!*

Было время – не было сомнений, кто.

...Я помотала головой, пытаюсь вытрясти из неё сантименты, не имеющие отношения к делу. Гость смотрел пристально и сочувственно, и сразу понял, что шкала моего настроения, так сказать, *теряет вертикаль с залом*.

– Можно ещё кофе? – спросил он.

– Берт, – сказала я, взяв себя в руки, – а вам не кажется, что ваш вопрос нуждается в некоторых, так сказать, объяснениях? Приходите неожиданно, ни с того, ни с сего... за каким-то лучшим вопросы задаёте... Я не о кофе, кофе сейчас налью, конечно. А по поводу **этой** стороны Реки могу сказать только одно: ну и что?

Гость улыбнулся:

– Говорят, вы к неожиданностям всегда готовы, как никто... Говорят – вы так же в своё время и в Страну маханули, неожиданно и бесповоротно... Скажите, а вы что, так ненавидите цивилизацию?

...Бог мой, вот уж чего за мной никогда не водилось, так это небрежения к родине. Да я всей душой и даже селезенкой до сих пор нежно люблю старую европейскую глубинку, городскую и деревенскую: с её необхватными дубами и соснами, занесенными в списки городских достопримечательностей, с тавернами, вросшими за века в землю, так что теперь по ступенькам ко входной двери приходится спускаться, а не подниматься; и королевские гербы, начертанные скромненько, в самом углу вывески какой-нибудь «Королевской трубки», или «Королевского эля» – только потому, что именно в этой таверне лет 400 – 700 назад очередной Карл Лохматый или Георг Немытый расколотил свою глиняную трубку о голову слуги, подавшего ему эль недостаточно быстро. Или принёсшего эль не светлый, а темный. Или вообще пославшего венценосного гостя куда подальше, в свете собственных антимонархических убеждений и пылавших по округе крестьянских восстаний... Я очень скучала по местам, где родилась и выросла – старым городам, с их узкими улочками, заросшими парками и облупившимися

фонтанами, с домами давно исчезнувших Гильдий, с кроткими крестами на рвущихся ввысь соборах, и аскетическими замками... Но на моей Дороге далеко позади остались и древние квадраты мостовых, и рыночные площади с остатками ещё цеховых построек. Очень далеко позади – и в пространстве, и во времени.

Ностальгией я в своё время отмучалась; а теперь настали для меня другие времена, на других дворах.

О чем я Берту и сообщила. И тут же про себя подумала: да за каким, собственно, репьем ушастым я тут распинаясь?! – ну кому какое дело...

Но Берт не дал сбиться, быстро кивнул и сказал:

– Готов подписаться под каждым словом, клянусь. Вы извините – действительно, полез сразу с вопросами, кто так делает... Вообще-то я не хам, только вот дело у меня к вам сильно деликатное...

На диване опять послышался непонятный звук типа хихиканья: я обернулась, но собаки просто громко дышали, развесив языки. Жарковато ещё в комнате, мельком подумала я, с дневного-то солнцепёка.

– ...По уму, надо хоть представиться толком, – как ни в чём не бывало продолжал гость, – как было выше указано, живу и работаю в Стране уже почти 30 лет, приехал по контракту из Юны, да так и остался. Меня многие знают, просто в Городе редко бываю – я картограф. Хотите – позвоните Дугу, он за меня поручится. Вот ещё Тойво мог бы...

– Батюшки, – встрепелась я, – вы и Тойво знаете?!

– А как же! Много и плодотворно с ним работал, он мне никогда не отказывал... Хотя один из самых опытных в Стране проводников всегда нарасхват, и у геологов, и у строителей. Я и сам работал то на одних, то на других... случалось и с военными сотрудничать.

– Картограф... Так вы из Геологического управления?

– Нет, из Департамента по землепользованию. Хотя с недавнего времени я на инвалидности.

Он замолчал. Я немного подождала и осторожно спросила:

– А что с ногой?

– Хотелось бы сказать что-то героическое, – криво усмехнулся гость, – но уж больно глупо врать, да ещё с самого начала... Идиотская история: двигал дома мебель, и на меня упал шкаф. Слава Богу, не книжный, а платяной, так что жив остался, но в поле больше не ходок.

Катка зевнула – сладко, до слез, и перевернулась на другой бок, скинув задом на пол подушку, расшитую мною в одну из здешних одиноких тоскливых ночей иглоросписью. Помешала она ей, что ли... Я глядела на эту дурацкую подушку, со всеми её пастельными камышами, тростниками и печальной выпью, и молчала.

– Ладно, – сказал Берт, встряхнувшись. – Что вам ещё про себя сказать? – женат, дети взрослые, внуки...

– Хорошо-хорошо, я за вас рада, только давайте ближе к теме.

– Может, ближе и не бывает.

– Возможно, только я пока этого не вижу. Не о внуках же вы пришли ко мне консультироваться!

– А почему нет? – всё-таки, 3 поколения классных специалистов, вами лично подготовленных за 50 с гаком лет работы в Центре Кризисных Ситуаций... Что вы ручкой машете, вы на пенсии не так давно, чтобы в Городе забыли – и вас, и дела ваши славные, про легенды я уже не говорю... Ваши выкормыши сделали блестящие карьеры, и заслуженно; ваши дети – воен-

ные, спасатели, уважаемые люди, орденоносцы, герои... тарки есть, сын-президент... А кстати, это правда, что вы с Джой ходите на Полигоне «десятку»?

Полигон был суперсложным тренажером в нашем Центре Кризисных Ситуаций; степень крутости тестируемого в нём определялась по шкале от 1 до 10. «Десятку» ходили только тарки и супербизоны всяких силовых структур.

– Берт, вы либо издеваетесь, либо бредней наслушались. За «ходите» спасибо, конечно, в моем возрасте и ползать-то вполне почетно...

Вот скажите мне, откуда слухи берутся?! Разве что от «трёх поколений классных специалистов», хохмачей и охальников, а также детей, внуков и выкормышей – охальников, хохмачей и хамов трамвайных. Нет, ну надо же было додуматься...

Ладно, предположим – умеет Джой водить самолет. И что? – сбить её всегда могла даже не очень нахальная ворона.

Ну, брала я призы на стрельбищах – толку-то? Теперь вот даже охотиться не могу: поданная гостю кряква была банально куплена на базаре.

Да, прыгали мы с парашютом, в далекой молодости. Два раза. Приземлялись в глубоком обмороке, обе, и только поэтому не разжились сложными переломами: мешок – он и в Империи мешок, хоть с мясом, хоть с чем.

Нет, катер и машину я вожу без дураков. И что? Можно подумать, жизнь моя проходит в океанских просторах, или на треках Формулы-1...

Конечно, мы умели по всем правилам разгадывать шифровки. Я бы даже сказала, виртуозно умели. Но в последние рабочие годы все криптограммы, попадавшие в наши руки, принадлежали перу нерадивых сотрудников или детей, и таинственностью своей обязаны были беспросветной лени и первых, и вторых, да нашей бесхребетности, как начальственной, так и материнской...

«Здра на ка при пер дом реши по пу мо комки»...

Вот что это?! Кто вообще стал бы заморачиваться над этим выданным из чужого блокнота листочком, жуткого розового цвета, мятым до изжёванности, исчерканным и абсолютно неуставным?..

Ну, так я стала. Просто потому, что все мои сотрудники в первую голову – да нет, от первой до последней головы! – были моими детьми, хорошими или плохими, перспективными или нет, неважно: они были дети, а я взрослая, судьбой, роком или Дорогой назначенная «матерью родной».

...И на самом деле всё оказалось просто: «Здравствуй, начальник! Как придешь, первым делом реши по поводу моей командировки». По окончании дешифровки у меня даже не хватило характера от души навалить молодому сотруднику по талантливой голове: ему предстояла действительно сложная командировка, да и любила я его – за таланты, ум и смешливый характер... Теперь уж он директор одного из континентальных филиалов Центра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.